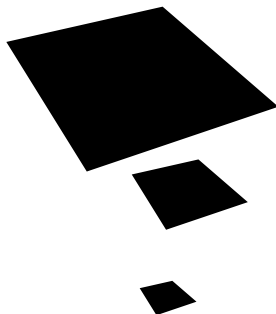

ПРОЗА ВИКТОРА
ПЕЛЕВИНА

**ВИКТОР
СВЯЩЕННАЯ
КНИГА ОБОРОТНЯ
ПЕЛЕВИН**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Оформление серии «Pocket book»
Андрея Саукова

Оформление серии «Проза Виктора Пелевина»
Сергея Власова

Пелевин, Виктор Олегович.

П24 Священная книга оборотня / Виктор Пелевин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-699-39579-8 (м Pocket Book)

ISBN 978-5-699-87561-0 (м Проза ВП)

Есть мир, скрытый от глаз человека. Это мир оборотней — хитрых, умных и таинственных. Они живут бок о бок с нами, и увидеть их непросто, — но и отрицать их существование бессмысленно.

«Священная книга оборотня» — один из «главных» романов Виктора Пелевина. В нем, еще задолго до стремительно охватившей весь мир моды на нечистую силу, эти милые, но коварные полулисицы и полуволки уже вовсю вершили людские судьбы. А уж если оборотням случилось полюбить друг друга, то сотрясения тверди земной грозят погубить все человечество.

«Священная книга оборотня» — роман, полный юмора, философии и сексуальной энергии. Пелевин, как никто другой, умеет объединить тонкие материи и ткать из них литературное полотно самого высокого качества.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-39579-8
ISBN 978-5-699-87561-0

© В.О. Пелевин, 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

Комментарий эксперта

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицейский протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Протокол подлинный, все печати и подписи на нем присутствуют, хотя неизвестно точное время его составления — верхняя часть заглавного листа с датой срезана при брошюровке и подшивке протокола в папку перед отправкой на хранение в конце календарного года, как требует служебная должностная инструкция. Из протокола следу-

ет, что интерес сотрудников милиции был вызван странными явлениями природы в Битцевском парке Южного административного округа города Москвы. Граждане наблюдали над деревьями голубоватое свечение, шаровые молнии и множество пятицветных радуг. Некоторые из радуг были шарообразными (по показаниям свидетелей происшествия, цвета в них как бы просвечивали друг сквозь друга).

Эпицентром аномалии был обширный пустырь на границе парка, где расположен трамплин для прыжков на велосипеде. Рядом с трамплином обнаружены полурасплавленная рама от велосипеда «Cannondale Jeckyll 1000» и остатки колес. Трава в радиусе десяти метров вокруг трамплина выжжена, причем выгоревшее пятно имеет форму правильной пятиконечной звезды, за границами которой трава не пострадала. Рядом с велосипедной рамой найдены предметы женской одежды: джинсы, пара кроссовок, трусики типа «неделька» со словом «Воскресенье» и майка с вышитой на груди надписью «скиф».

Если судить по фотографиям из протокола, третья буква этого слова больше похожа на кириллическое «И», чем на латинское «U». Можно предположить, что перед нами не анаграмма «fisk», как утверждает в своей монографии М. Лейбман, а слово «скиф». Это подтверждает строка «да, азиаты мы» на спине футболки — несомненная аллюзия на стихотворение А. Блока «Скифы», которого М. Лейбман, судя по всему, не читал.

Среди предметов одежды находился рюкзак с портативным компьютером, о котором уже говорилось в протоколе. Все эти вещи не пострадали, и на них не обнаружено следов огня, что свидетельствует — они были подброшены на место происшествия уже после того, как на траве было выжжено звездообразное пятно. По факту данного события уголовного дела возбуждено не было.

Судьба находившегося (якобы) на хард-диске текста хорошо известна — сначала он имел хождение в кругах оккультных маргиналов, а затем был издан в качестве книги. Оригинальное название текста показалось непристойным даже нынешним барышникам от книготорговли, поэтому при издании он был переименован в «Священную Книгу Оборотня».

Этот текст не заслуживает, конечно, серьезного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он исключительно как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом. А псевдовосточная поп-метафизика, шапочным знакомством с которой автору не терпится похвалиться перед такими же унылыми неудачниками, способна вызвать у серьезных и состоявшихся в жизни людей разве что сострадательную улыбку. Хо-

чется уверить москвичей и гостей столицы, что чистота и порядок в Битцевском парке поддерживаются на должном уровне и московская милиция днем и ночью охраняет покой и безопасность прогуливающихся. А самое главное, друзья, — чтобы в вашей жизни всегда нашлось место радостной песне!

*ТЕНГИЗ КОКОЕВ,
майор, начальник О/М «Битца-центр»*

*МАЙЯ МАРАЧАРСКАЯ, ИГОРЬ КОШКОДАВЛЕНКО,
кандидат филологических наук*

*ПЕЛДИС ШАРМ,
ведущий телепрограммы «Караоке о Главном»*

В чистом безветрии звездных пространств
Много у Господа светлых убранств.

Неизвестный источник

Кто твой герой, Долорес Гейз?
Супермен в голубой пелерине?
О, дальний мираж, о, пальмовый пляж!
О, Кармен в роскошной машине!

Гумберт Гумберт

Клиент, на которого меня нацелил бармен Серж, ждал в Александровском баре «Националя» в семь тридцать вечера. Было уже семь сорок, а такси еле ползло, перемещаясь из одной пробки в другую. Я даже готова была поверить, что у меня есть душа — так муторно на ней было.

— I want to be forever young¹, — в который раз пропел по радио Alfaville.

Мне б твои проблемы, подумала я. И тут же вспомнила о своих.

Вообще-то я о них думаю редко. Я только знаю, что они хранятся где-то там, в черной пустоте, и к ним в любой момент можно вернуться. Убедиться лишний раз, что решения у них нет. Если поразмыслить над этим, приходишь к интересным выводам.

Допустим, я решу их. Что тогда? Они просто исчезнут — то есть уплывут навсегда в то самое небытие, где и так хранятся большую часть времени. Будет только одно практическое следствие — мой ум перестанет вытаскивать их из этой черной пус-

¹ Я хочу быть вечно молодым (*англ.*).

тоты. Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?

Самая смешная из моих проблем — мое имя. Она возникает у меня только в России. Но, поскольку я здесь живу, приходится признать, что это очень реальная проблема.

Меня зовут А Хули.

Раньше, при старой орфографии, была возможность хоть на письме уйти от непотребства. Я записывала свое имя «А Хулі». На печати, которую мне подарил в тринадцатом году один петербургский меценат, знавший тайну, оно слито в два знака:

АХі

Это интересная история. Первая печатка, которую он для меня заказал, была вырезана на рубине, и все пять букв были совмещены в один символ:

Хі

Он подарил мне этот рубин, когда мы катались на яхте в Финском заливе, и я бросила его в воду, как только рассмотрела. Он побледнел и спросил, отчего я его ненавижу. Не потому, конечно, что правда думал, будто я его ненавижу. Просто в ту эпоху в моде были театральные движения души, из-за чего, кстати, случились Первая мировая война и русская революция.

Я объяснила, что все буквы можно наложить друг на друга и разместить на небольшом камне, получится недорого, но тогда непонятно, какая из букв первая. Через день был готов второй вариант, на продолговатом опале — «с таинственным и сумасбродным «АХ», как изящно заметил меценат в стихотворении, приложенном к подарку.

Вот какие люди жили раньше в России. Впрочем, я подозреваю, что он не сам написал стихотворение, а заказал его поэту Кузмину, поскольку после революции ко мне несколько раз приходили накокаиненные пидоры из чрезвычайки и искали какие-то брильянты. Потом мою квартиру на Итальянской улице уплотнили слесарями и прачками, а у меня самой отняли последнюю опору самоуважения, букву «і». Поэтому коммунистов я не любила с самого начала, еще с тех дней, когда им верили многие светлые умы.

Мое имя на самом деле очень красивое и не имеет никакого отношения к своему русскому смыслу. «А Хули» по-китайски означает «лиса А». По аналогии с русскими именами можно сказать, что «А» — это мое имя, «Хули» — фамилия. Что я могу сказать в свое оправдание? Меня так звали еще тогда, когда слов «а хули» вообще не было в русском языке, и самого русского языка тоже.

Кто мог подумать в те дни, что моя благородная фамилия станет когда-нибудь бранным словом? Имени, кстати, тоже достается, даром, что одна буква. Идешь по улице, видишь очередь и вздрагиваешь: А? Х...й на. *Альфа-банк экспресс*. Впрочем,

говорил же Людвиг Витгенштейн, что в мире есть только имена. Обижаться не на кого.

Мы, лисы, счастливые существа, поскольку у нас короткая память. Мы ясно помним только последние десять-двадцать лет, а все, что было раньше, спит в черной пустоте, о которой я уже говорила. Но оно не исчезает совсем. Прошлое для нас — как темная кладовая, из которой мы можем при желании извлечь любое воспоминание, что достигается особого рода усилием воли, довольно мучительным. Это делает нас интересными собеседницами. Мы многое можем сказать почти по любому поводу; кроме того, мы знаем все главные мировые языки — было время выучить. Но мы не расчесываем болячку памяти без необходимости, и повседневный поток мыслей у нас практически такой же, как у людей. То же касается и нашей рабочей личности — она делает лису неотличимой от бесхвостой обезьяны.

Многие не понимают, как такое может быть. Попробую объяснить. В каждой культуре принято связывать особенности внешности с определенными чертами характера. Прекрасная принцесса добра и сострадательна; злобная колдунья уродлива, и на носу у нее огромная бородавка. Есть и более тонкие связи, которые не так просто сформулировать — именно вокруг них строится искусство живописного портрета. Со временем эти связи меняются, поэтому красавицы одной эпохи часто вызывают у другой недоумение. Так вот, если сказать просто, личность лисы — это тот чело-

веческий тип, с которым у среднего представителя текущей эпохи ассоциируется ее внешность.

Каждые лет пятьдесят или около того мы подбираем под свои неизменные черты новый симулякр души, который предъявляем людям. Поэтому с человеческой точки зрения внутреннее у нас в любой момент тождественно внешнему на сто процентов. Другое дело, что оно не тождественно настоящему, но кто ж это поймет? У большинства людей настоящего нет вообще, а есть только это внешнее и внутреннее, две стороны одной монеты, которую, как человек искренне верит, где-то действительно положили на его счет.

Знаю, звучит странно, но все именно так: чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье. Прежние отправляются в чулан, и вскоре нам уже надо напрягаться, чтобы вспомнить, какими мы были раньше. А живем мы веселыми пустяками, забавными скоротечностями. Мне кажется, это своего рода эволюционный механизм, задачей которого было облегчить нам мимирию и маскировку. Ведь лучшая мимикрия — когда становишься похож на других не только лицом, но и ходом мыслей. Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба.

На вид мне можно дать от четырнадцати до семнадцати — ближе к четырнадцати. Мой физический облик вызывает у людей, особенно мужчин, сильные и противоречивые чувства, которые скучно описывать, да и нет нужды — «Лолиту» в наше время читали даже лолиты. Эти чувства ме-

ня и кормят. Вероятно, можно сказать, что я кормлюсь мошенничеством: на самом деле я совсем не малолетка. Для удобства я определяю свой возраст в две тысячи лет — их я могу вспомнить более-менее связно. Это можно считать кокетством — на самом деле мне значительно больше. Истоки моей жизни теряются очень далеко, и припомнить их так же трудно, как осветить фонариком ночное небо. Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы приходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь-у-Куном, героем «Путешествия на Запад» (впрочем, не стану утверждать, что все так и есть, — никаких личных воспоминаний об этой баснословной поре у меня не осталось). В те дни мы были другими. Я имею в виду, внутренне, а не внешне. Внешне мы с возрастом не меняемся — если не считать того, что каждые сто восемь лет у нас в хвосте появляется новый серебряный волосок.

Я не оставила в истории такого заметного следа, как другие представители моего рода. Тем не менее я упомянута в одном из памятников мировой литературы, и про меня можно прочесть даже по-русски. Для этого надо зайти в магазин «Академкнига», купить книгу Гань Бао «Записки о поисках духов» и найти в ней историю о том, как во времена Поздней Хань наместник Сихая искал сбежавшего начальника охраны. Наместнику сказали, что того увела нечисть, и на поиски пропавшего был послан военный отряд. Дальнейшее (я ношу с собой этот листок как талисман) я до сих пор не могу читать без волнения:

«...наместник с несколькими десятками пеших и конных, захватив охотничьих собак, стал рыскать за стенами города, выслеживая беглеца. И в самом деле Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и собак, скрылся. Люди, посланные Сянем, привели Сяо назад. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Мог только бормотать: «А-Цзы!» (А-Цзы — это кличка лисы.) Дней через десять он постепенно начал приходить в разум и тогда рассказал:

— Когда лисица пришла в первый раз, в дальнем углу дома между куриных насестов появилась женщина, красивая собой. Назвавшись А-Цзы, она стала манить меня к себе. И так было не один раз, пока я, сам того не ожидая, последовал ее призыву. Тут же она стала моей женой, и в тот же вечер мы оказались в ее доме... Встречу с собаками не помню, но рад был как никогда.

— Это горная нечисть, — определил даос-гадатель.

В «Записках о прославленных горах» говорится: «Лиса в глубокой древности была развратной женщиной, и имя ей было А-Цзы. Потом она превратилась в лисицу».

Вот почему оборотни этого рода по большей части называют себя А-Цзы».

Я помню этого человека. Его голова была похожа на желтое яйцо, а глаза казались двумя наклеенными на это яйцо бумажками. Он не совсем

точно передал историю нашего романа, да и повествователь заблуждается, говоря, что меня звали А-Цзы. Начальник охраны называл меня «А», по имени, а «Цзы» получилось из звука, который он стал непроизвольно издавать, когда его жизненность пришла в упадок: во время разговора он с шумом всасывал воздух, словно стараясь притянуть на место отвисшую нижнюю челюсть. Кроме того, неправда, что я когда-то была развратной женщиной, а потом превратилась в лису — такого, насколько я знаю, вообще не бывает. Но все равно, перечитывать этот отрывок древнекитайской прозы для меня так же волнительно, как для старой актрисы — глядеть на самую раннюю из сохранившихся фотографий.

Почему меня зовут «А»? Один книжник-конфуцианец с склонностью к мальчикам, который знал, кто я такая, но все равно прибегал к моим услугам до самой своей смерти, придумал интересное объяснение. Мол, это самый короткий звук, который может издать человек, когда ему перестают повиноваться мышцы горла. Действительно, некоторые люди, на которых я насылаю морок, успевают произнести нечто вроде сдавленного «А-а...». Этот конфуцианец даже написал мне дарственную каллиграфию — она начиналась со слов «А Хули ива над ночной рекой...».

Кому-то может показаться, что жить в России и называться А Хули — довольно грустная судьба. Примерно как жить в Америке и зваться Whatze Phuck. Да, имя окрашивает мою жизнь в угрюмые тона, и какой-нибудь из внутренних го-